

Анатолий Агарков

*Мечты
сбываются*

*Поехать согласилась
только крыша...*

Анатолий Агарков

**Мечты сбываются. Поехать
согласилась только крыша...**

«Издательские решения»

Агарков А.

Мечты сбываются. Поехать согласилась только крыша... /
А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905581-1

Что же касается Кубы, то даже сейчас трудно поверить, что такое могло когда-нибудь произойти. Я и в Крыму иль на Кавказе ни разу не был, ни в каких братских республиках... А тут — бах! — Куба.

ISBN 978-5-44-905581-1

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	17
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мечты сбываются Поехать согласилась только крыша...

Анатолий Агарков

Поехать согласилась только крыша...
/Н. Резник/

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5581-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Что же касается Кубы, то даже сейчас трудно поверить, что такое могло когда-нибудь произойти. Ну, во-первых, у меня было три подписки:

– о невыезде за границу – раз;

– о запрете на прописку в столичных городах (вы помните? – их было 15, да еще Ленинград) – два;

– о запрете на контакт с иностранцами – три;

Это наследие службы на границе, учебы на закрытом факультете, работы на оборонном предприятии. Но, видимо, к партработникам подход особый.

Во-вторых, я и в Крыму иль на Кавказе ни разу не был, ни в каких братских республиках... А тут – бах! – Куба.

Вобщем дело было так. Только меня утвердили в аппарате, подходит завпарткабинетом, а на общественной работе – член комитета профсоюза, отвечающая за путевки, и говорит:

– Куда поедем отдыхать?

– С вами на край света.

– Крайнее Кубы места нет.

– Пишите – Куба. Вы со мной?

Ни грамма не боялся ее сварливого характера, потому что знал – острова Свободы мне не видать, как своих ушей. Причина? Смотрите выше.

Это было в январе. В декабре она опять подходит:

– У вас когда отпуск? Вам разрешили поездку на Кубу. Надо побывать в обкоме профсоюзов и подтвердить свое желание.

Дальше от истины она едва ли могла быть.

Не веря счастью своему, тут же написал заявление на очередной отпуск и отпросился у начальства в область. Там все подтвердилось.

Это было похоже на сказку братьев Grimm. Если бы в январе ко мне не подошла тетка из профкома, если бы я не ляпнул: «... с вами на край света!», если бы она не ответила: «... крайнее Кубы места нет», то вряд ли я там побывал. Этим «если бы» нет конца. Его Величество Случай сыграл свою решающую роль.

Вобщем, как бы там ни было, а дело сделано – я лечу на Кубу.

После возвращения из Челябинска мне потребовалась ночь смятений и утренняя пробежка по морозу, чтобы, наконец, понять: то, что произошло – реальность, а не сон. Позавтракав, лег на диван и погрузился в глубокий и спокойный – а проснулся, когда на дворе сиял день.

Надо было собираться.

Укладывая вещи в чемодан, подумал вдруг – толпа в райкоме надеется на отвальную в гараже. Однако, времени уже не осталось – договорился: сегодня я ночую у сестры (от нее до вокзала пять шагов), а утром с первой электричкой ту-ту! в Челябинск.

После сборов и обеда прилег на кровать, не веря своему везению, и опять уснул. Когда проснулся, за окнами уже смеркалось. Сон помог, по крайней мере, в одном – теперь окончательно убедился, что я лечу к земле Америго Веспуччи. И то, что казалось иллюзией, словно по мановению волшебной палочки обернулось в реальность. От этой мысли настроение сразу поднялось.

Отец еще до прощального часа наворчался на мою бесшабашность, мама напечалилась – отбытие из родного дома со всех точек зрения должно пройти безукоризненно. Расцеловавшись с ними у порога, вполне собой довольный отправился к сестре, заранее начав скучать по дому.

Проходя мимо райкома, вдруг ощутил непреодолимую усталость – видимо реакция на все события последних дней. Такое желание возникло – хоть к вахтеру зайти и отдышаться посидеть. И, наверное, зашел бы – вдруг Пал Иваныч открывает двери. Сразу решил – вот на ком отыграюсь в плане отважной.

– Шеф, – говорю, – ты ведь не против со мной выпить на дорожку?

– А как ты догадался?

– Да у тебя вид уставшего от жизни человека.

– Ну и что? – проворчал Пал Иваныч. – Зато ты сияешь, как новогодний шарик.

Да, я рад, безумно рад своей поездке. Но чужая зависть сейчас невыносима. Восторги, похвалы и подковырки окружающих ничего, кроме дискомфорта не дают. Сейчас мне в час прощальный нужна лишь стужа – суровая, уральская – надышаться впрок.

– Так ты согласен со мной пройтись за «линию»?

– Небось, считаешь себя умником?

– Честно говоря, да, – самодовольно кивнул я и потянул шефа под руку. – Тренин учил нас в школе: главное, что ценится в дипломатии – умение уходить от прямых ответов. К сожалению, я таковым не обладаю и говорю всегда, что думаю.

– Рад, что едешь? – похоже, Кожевников жутко завидовал. – С каким настроением?

– С настроением конкистадора. Они когда-то говорили так: «Убей мужчину, люби женщину!»

– Не понял.

– Убивать и заниматься любовью – обычные манеры конкистадоров, культивированные ими в Новом Свете. Они считали, что радостнее предсмертного хрипа врага, агонизирующего с кинжалом в животе, может быть только сладострастный стон женщины в объятиях. Закон джунглей, Пал Иваныч – острое втыкается в плоское. А ты что, не знал?

Шеф был удивлен: я разболтался и так не походил на себя обычного.

– Не страшно через океан лететь? – спросила сестра, ничуть не удивившись, что я нагрнул не один.

– Кто-то из великих полководцев говорил: «Если тебя мучают сомнения, готовь пути отступления». Я приготовил плавки – если самолет рухнет в океан, доплыву до ближайшего острова и предстану в подобающем виде.

– А вдруг там аллигаторы?

– В океане?

– На острове.

В тот момент перспектива быть съеденным крокодилом на необитаемом острове волновала меня меньше всего.

– Теть Люсь, мы с Пал Иванычем тяпнем на дорожку?

Я достал из чемодана бутылку водки.

Сестра не одобряла такого рода романтизм и сентиментальность, но, исполняя роль хозяйки радушной, в качестве закуски предложила сварить пельменей. Потом выяснилось, что их мало для двоих – а нас в квартире трое. Пал Иваныч уверил, что никуда не хочет торопиться, и мы уселись лепить национальную русскую закуску. Шеф экзотично так смотрелся в галстуке под женским передником с закатанными рукавами рубашки.

В разгар стряпни на пороге появился зять – со слов сестры укативший в недельную командировку. С каждой минутой жизнь становилась интересней.

– Муж за порог, а у нее уже любовник с сутенером, – приветствовал Владимир Андреевич нашу поварскую бригаду.

Железная логика! Хотя понятно – шутит.

По опыту нашего родства знал, что зять легко отходит от вида спиртного на столе, и достал еще одну бутылку из чемодана – вот чем Фиделя буду угощать? И приходится надеяться, что похмелье будет не тяжелым.

Пришлось лепить пельменей еще на одну тарелку. А потом объясняться за столом – кой черт несет меня в полуденные страны?

– Да что я, в конце концов, хуже Магомета, к которому горы не ходят в гости? – собрался и поехал сам.

Сестра за рыбу деньги:

– Жену себе там присмотри, Магомет! Говорят, кубинки самые красивые.

– Партийным работникам жены не нужны. Мы – движущая сила советского государства; нам не до баб-с.... Верно, Пал Иваныч?

Но шеф имел на это свое мнение – он погрозил мне пальцем:

– Всякому сердцееду обязательно найдется женщина подстать.

Спорить не стал, но был не согласный с Пал Иванычем потому, что не был и не хотел быть сердцеедом. Я просто не готов осесть. И говорил так каждой женщине, которая предполагала нечто иное. Был честен и открыт, не скрывал намерения сохранить свободу, как можно дольше, что едва ли было свойственно тем вкрадчивым обманщикам, которых обычно называют сердцедами.

– У меня на этот счет имеется возражение, – заметила сестра. – Не смотря на свою занятость в проблемах государства, ты не отказываешься от встреч по субботам с некоей дамой на улице Лермонтова – мне родители все рассказали.

Они с мужем понимающе переглянулись и рассмеялись.

Бросив осуждающий взгляд на родственников, вздохнул:

– Ваша правда – на свидания хожу регулярно, но о браке речи быть не может.

– Помоги Господь той женщине, которой ты сделаешь предложение, – благословила будущую невестку сестра. – А ты, братец, запомни: любовь поддерживает жену и мужа в трудные времена.

Я гордился тем, что давно уже (целых два года!) не терял рассудка из-за баб. Можно сказать – забыл, как это, быть женатым. Единственное, что накрепко засело в голове, это смутные воспоминания: вроде бы, женатых чаще кормят, но за это надо постоянно «выносить ведро» и «уделять внимание». Причем, если с «ведром» все более-менее ясно, то со «вниманием» трудно невероятно – каждый раз эта фраза означает нечто новое. Однако нет благодатней почвы для подобных мыслей, нежели душа тридцатиоднолетнего парняги, малость приуставшего от сердечных мук. Тем более, что данное гражданское состояние легко обратимо.

Между тем, Пал Иваныч как-то незаметно перебрал и стал уверять присутствующих, что меня ждет великое будущее.

– У меня такое чувство, что он далеко пойдет. Более того, хотите предсказание? Анатолий Егорович закончит свои дни или в тюрьме, или в Кремле.

Про тюрьму это он здорово и, главное, к месту!

Вобщем вечер удался на славу! Ведь ни сестра, ни ее муж не ожидали, что мы с шефом устроим им такой праздник партийной говорливости.

Утро следующего дня было серо-снежным. Впрочем, серость его заметил, подъезжая в электричке к Челябинску – когда рассвело.

Всякий раз, когда бываю здесь, вырываются из темницы памяти не сразу и с трудом подавленные воспоминания. Сойдя лишь на перрон, вернулся в прошлое – в то время, когда был с Лялькой счастлив в этом городе. Те три медовых года были неповторимыми. Но идиллия слишком хороша, чтобы быть долгой. Теперь думаю, что даже и тогда не верил, что моей жене нужен именно такой муж, как я.

Когда не ждешь утраты, беда обрушивается внезапно, разрывая в клочья сердце, душу. Готовность к несчастью смягчает страшный эффект неожиданности. Предвидение дает шанс контролировать ситуацию и избежать роли пассивной жертвы.

Как мы мудры бываем задним-то числом!

Сейчас, вырвавшись на волю, сотни непрощенных воспоминаний кружили голову – и все о Ляльке. Она определенно создана Природой, чтобы сводить меня с ума. И сводила, пока не приказал себе: забыть все, что связано с ней – конечно, кроме сына.

А, может быть, любовь все еще хранится где-нибудь на самом донце сердца? К чему терзаться? – пусть это будет тайной. Секретом равносильном лжи. О, мать босая! Мое сердце врет рассудку. Оно уже не учит, что правильные поступки требуют смелости, совести и характера. Потому-то все мои поступки за последние два года не содержат ни капли из того, что взято в принцип. Вот так открытие!

В конце концов, чтобы успокоиться, побрел пешком с вокзала в сторону обкома профсоюзов, как адепт пришедшего к нам с Запада движения хиппи. Да тут недалеко – три остановки на трамвае. Отключись – приказывал себе – сосредоточься на поездке; такова жизнь – она проста лишь на экране, где за час-полтора решаются проблемы все.

Небо так и оставалось свинцово серым, когда добрался к намеченной цели. Впрочем, какое в городе может быть небо? Та серость, что была над головой, даже небом-то не выглядела. Если бы какому горожанину вздумалось поднять взгляд к источнику снежной мороси сыплющей за шиворот, то ничего нового для себя он не обнаружил – тот же снег, только вид снизу.

Я немного опоздал – группа отъезжающих на Кубу уже вся в сборе, уже перезнакомились, уже ораторствует назначенный ее руководитель. Зовут мужика Назаров Николай Иванович, в повседневной жизни он второй секретарь троницкого райкома КПСС. Не путайте, пожалуйста – в Троицке два кома партии: горком и райком. Так вот, Назаров из райкома, на меня наехал:

– Тебя одного ждем!

В принципе, что ему ответить? Дурак винит другого, умный себя, мудрец – никого.

Пожал плечами:

– Так получилось.

– Ты инструктор Увельского райкома партии? Вот раз опоздал, будешь комиссаром группы.

Ошарашен, честно. Не ожидал. Удружил коллег коллегу. «Памущински», называется. В очередной раз готов снять шляпу перед все объединяющей и всех направляющей силой общества. Мол, благодарствуйте, товарищи, за доверие.

Выяснив, что путешествие на остров Свободы из Челябинска начнется на фирменном поезде «Южный Урал», который отправляется лишь вечером, вывел на уровень приоритета проблему, кратко сформулированную так – и что дальше?

Повез трамваем чемодан в камеру хранения. Под стук колес на стыках рельс сам не заметил, как стал бурчать что-то уличное из далекого детства: «Я иду по Уругваю. Ночь хоть выколи глаза. Слышны крики: Раздевайся! Ой, не надо – я сама...»

Разочарованно посматривал из окна на серый от снега и выхлопных газов город и съжившихся от мороза горожан. Ни пальм, ни солнца, ни девушек в бикини... – как живут? Твою медь!

Решение остаться на Кубе вдруг возникло и – до вокзала еще не доехал – стало крепче прапорского лба. Но потом, сбавив чемодан в ячейку хранения, позвонил бывшей теще и получил ее согласие на прогулку с сыном – он был дома. Думать о всякой хрене стало некогда.

А сын за то же:

– Ты там не останешься?

Не дожидаясь моего ответа, нацелился реветь.

Ответ мой был такой:

– Война покажет план. А ты не желаешь жить на Кубе? – там индейцы, там пираты. Маленький патриот великой Родины замотал курчавой головой.

Оба! – предчувствие толкнуло в бок, плеснуло в кровь адреналину. Эй, инструктор, не зевай – пользуйся моментом.

Разделявая котлету вилкой под стук бьющегося на все детское кафе сердца, закинул пацаненку мысль:

– А если мама согласится переехать, ты поедешь?

– С мамой? – да.

– Тогда спроси ее.

Солнце село. Потемнело. Мы сгрудились на перроне. Фирменный поезд «Южный Урал» гостеприимно распахнул двери красных вагонов. Призывно улыбались проводницы. Назаров ругался:

– Ну, что за дурость! А может, они и в Шеннон сами доберутся?

Двух мужиков из группы не хватало – передали, что в Москве будут самолетом.

– Шеннон это где? – спросила, беспокоясь, Майя Николаевна.

– В Ирландии, – ответил Николай Иванович.

А его двухметроворостый земляк Николай Николаевич, парторг из учхоза «Троицкий», добавил сурово, вежливость забыв:

– В стране непуганых педрил.

О, новый дивный мир! Завидно? То-то.

Мне вдруг живо представилась страна чужая – оживленная траса; ревут, проносятся, какие-то события; что-то сталкивается; кто-то стреляет; порхают в воздухе зеленые бумажки долларов; женщины красивы, как в кино; кто-то кричит; кто-то смеется....

Короче – За-гра-ни-ца!

Толпа всосалась потихонечку в вагон.

В моем купе супружеская пара и женщина, которая на перроне за окном все прощается и не может распрощаться с кем-то близким. Наконец состав тронулся, и она вошла в купе – всхлипывая и размазывая тушь с ресниц платочком по щекам.

В полном соответствии с рекомендациями товарища Руссо, изобретателя идеи гуманизма, стал утешать ее, приобняв за плечи:

– Ну, что мы плачем? Я же рядом....

Отпихнув меня добросовестно наеденным задом, она рухнула на полку нижнюю – да в рев, да в голос. Это ж надо – как баба убивается! Вот дал бы Бог, меня так полюбили. Да где там! – скорей мента поганого в рай пустят.

Сосед купейный головой качает – глядит как прокурор и осуждает:

– Разве так можно?

Да ну вас! Никогда не угадаешь сходу, как нажать с бабы ласк, а не проблем. Помнится, у свата Кольки здорово все получалось. Ну, ничего-ничего, поворчите – наука, она тоже забесплатно не приходит....

Э-эх – я выдохнул в крошечную тьму, мчащуюся мимо за открытым окном туалета, последнюю затяжку дыма сигареты да остатки воспоминаний крутой юности и отправился в купе.

Вернувшись, обнаружил, что столик полным-полнехонек домашних закусонов, и была даже наливочка в оплетенной бутылке из-под «Ркацители». А у меня и водки в чемодане нет!

Роза (так плаксуню звали) уже привела в порядок симпатичную татарскую мордашку и приветливо звала:

– Ужинать? Милости просим.

Подозрительно веселы были и супруги.

Смысл того, что сейчас происходило в купе, примерно такой – я, конечно, повел себя бестактно по отношению к горящей Розе, но они (попутчики мои) народ культурный и меня прощают. Ну, я и размяк.

Насчет ужина и прощения размяк. Но в долгу быть не привык. На следующий день пути узнал от проводницы, что в Казани стоим 20 минут, и предложил сокупейникам:

– Водочки? – я сбегая.

Сосед промолчал, жена тоже, и только Роза, потянувшись этакой пантерой в период брачных игр, сказала:

– Хочу пи-ии-ва.

Ага, пива – согласился я, еще не понимая, на что обрекаюсь. Водку можно с приплатой взять в любом ресторане – может даже в нашем, вагонном. А пиво?

Выскочил из поезда, весь вокзал обрыскал – туда-сюда, сюда-туда... не могу найти. Потом смотрю за окном вокзала через площадь на стене какого-то киоска столбиком реклама – «бир», «беер», «быра» – ну, пиво, значит. Приобрел десять бутылок и понял, что заблудился. Где паровоз? Куда идти? У кого спросить? Народу тьма и все – татары: моя твоя не понимает.

Вот тут, признаюсь, испытал почти экзистенциальный ужас. Так нелепо отстать от поезда в самом начале пути.

Чтобы отогнать панику, попробовал философствовать: нет желаний – нет страданий. Но в том-то все и дело, что я изо всех сил желал вернуться в свое купе до отправления поезда. Ну а поскольку не получалось – страдал ужасно. Хоть реви.

Вот когда Роза-то припомнилась!

Вокруг куда-то спешили пассажиры – на перрон? с перрона? – пойми. Я даже забыл номер платформы, на котором ошвартовался родной наш красновагонный фирменный «Южный Урал».

Наконец определился с направлением вокзал – пути: куда идти. И тут объявляют, что наш поезд из Челябинска в Москву отправляется с платформы номер...

Вот я понесся переходом, едва уворачиваясь от встречных-поперечных, потом по лестнице, прыгая через четыре ступеньки. Как стеклотару не побил – уму непостижимо. Когда выскочил на платформу, двери вагонов закрывали проводницы. Но я таки успел проскользнуть в состав.

Соседа по купе звали Василием, и работал он в лесничестве. Жена Тамара там же.

Только появился я, запыхавшийся весь, в купе, Васек так оценил состояние мое:

– Испужался?

– А ты знаешь, что такое страх?

– Ну, и?

– Это желание не находится в ситуации, которой ты не можешь управлять.

Тамара к месту ляпнула:

– Когда люди не способны понять друг друга, они тоже боятся.

И Роза поддержала тему:

– Если победить страх, невозможное становится возможным.

Налетай, философы – пивасик! А впереди у нас – западный край мира.

И первой потянулась Роза – гибкая как кошка, которой не мешает лишний вес.

Ни один фантаст-писатель не смог бы даже предсказать – мы прибыли в столицу нашей Родины в седьмом часу утра. Как и было указано в расписании – тютелька в тютельку. А что ты хочешь? «Южный Урал» – это таки марка!

Сгрудились на вокзале. Назаров пошел искать отдельный транспорт, чтобы не растерять народ в общественном. Возможно, кто-то подсказал ему, как надо поступить. Пусть суетится – на то он и руководитель группы, на то и путевочка у него бесплатная. А как это ему удастся, пусть эфиопов беспокоит.

И у медлительности есть свой предел – это неподвижность.

В беззаботном времяпровождении на вокзальной лавке тоже есть очарование. У меня, например, появилось время задуматься над вопросом – зачем городу Троицку два кома партии? Я недавно тут прочел...

Их совместное проживание оправдывал историк Паркинсон (ничего общего с профзаболеванием боксеров). Согласно его первому закону работа заполняет сроки, отпущенные на нее. У этого закона есть две движущие силы:

- чиновник стремится множить подчиненных;
- чиновники создают друг другу работу.

Откуда, спросите, такая эрудиция. Оттуда же – из прочитанного.

А еще статистика:

– общее количество занятых в однопартийном секторе страны растет на 5—7% в год безотносительно к каким-либо изменениям в объеме требуемой работы (если таковые были вообще).

И при этом им... точнее, нам прилично платят. Почему?

Наверное, потому, что каждый начальник боится конкурентов в среде своих подчиненных. Лучший способ не создавать опасных соперников – приглашать в аппарат малокомпетентных элементов. Лучший способ подавить в них любые поползновения к инициативе – переплачивать. Таким образом, начальники обеспечивают себе стабильный покой.

Они-то обеспечивают, а мне обидно – в чем это я малокомпетентен? Хотя можно помолчать, раз хорошо платят или путевочки в тропики подкидывают. Вот вернусь очень загорелым и стану самым примерным-распримерным инструктором райкома! Никому слова против не скажу. Марксом клянусь!

И спасибо партии родной за такой подарок!

Что до счастья – это можно понять и на вокзальной лавке: счастье – это жить и делать, что прикажут, изредка путешествуя по Земле, бывая в таких местах, как Москва, Куба... и т. д.

Итак, у меня сформировалось новое мировоззрение.

Какой момент в жизни самый важный? – сейчас!

Какое дело самое главное? – заниматься тем, что поручают!

В чем секрет счастья? – открывать для себя мир!

Мне больше нечего искать – я понял все. Не имеет смысла карьерный рост – вряд ли Назаров (а он второй секретарь!) чувствует себя сейчас счастливее меня.

Всегда терзался тем, что не могу найти своего места в жизни. Теперь точно знаю – мое место там, где нахожусь. Никому не завидовать, никуда не стремиться – просто жить, испытывая счастье от своего существования. Наконец-то исполнилась заветная мечта – воспринимать каждое мгновение, как чудесный дар.

Теперь меня не страшит будущее – вообще больше ничего не боюсь: когда находишься на своем месте, то нечего бояться.

Самое забавное заключается в том, что никто из окружающих не заметил моего перерождения. Ни один человек не догадался даже, как одним счастливым на планете стало больше. Люди продолжали заниматься своими делами – суетились, хмурились, о работе думали, о заботах наступающего дня.

Наверное, и вы удивитесь, спросите – что с тобой, Анатолий? Москва на тебя так подействовала или манящая за горизонтом Куба? Может, ненароком брякнулся с ума?

А, может быть! Мне надоело быть разумным – ведь безрассудные всегда правы!

Впрочем, не брякнулся я никуда – ум мой ясен, готов к новым заданиям партии и правительства. А сейчас – к впечатлениям в пути на остров в Карибском море.

Ну, где же там Назаров? А то у меня новая тема зашевелилась в голове.

Как-то читал – наибольшее количество знаменитых путешествий человек совершал, продвигаясь с востока на запад. Ну, там, Колумб, Магеллан, другие парни... сарматы, гунны и монголы, например. Во все времена люди стремятся следовать за солнцем, желая выяснить, куда проваливается этот огненный шар. Они считали, что ответ на этот вопрос можно найти только на западе. Получается: движение на запад – это стремление заглянуть в будущее?

Ладно, заглянем и увидим. Что дальше?

Помнится, в Анапе учебная рота отряда морских специалистов настолько поразила меня своей разумной организованностью, что все шесть месяцев, находясь там, я размышлял о создании некоей трудовой коммуны, базирующейся на флотском распорядке. Возможно, Куба – это тот остров, о котором мечталось. И коммунный эксперимент там ведется в масштабах целого государства. Интересно было бы взглянуть. Да и поучаствовать.

Теперь, на основе этих умственных изысков поездки к острову Свободы мне казалась уже не результатом каких-то успешных действий (заслужил!), а вроде как бы наоборот – наказанием за все прегрешения мои. Ведь посмотрите, сколько напридумано!

А будь я поощрен начальством этой путевкой – благоденствовал бы на достигнутом. Победа не учит так, как поражение может научить – история гласит. Ведь поражение – это прелюдия к радикальному перевороту в жизни: в нем есть стимул и новаторство, а в победе сплошной консерватизм. Не я это придумал, еще Черчилль говорил: успех – это способность идти от поражения к поражению, не теряя оптимизма. Для меня его слова – суть прозорливой жизни.

Дальше что?

Конечно, Куба! Все ли там откопаны сокровища, зарытые флибустьерами? Я люблю вникать в неведомое...

Но хватит! Если Назаров сейчас не явится, уйду уж слишком далеко в понимании вещей.

Сквозь стекло вокзальных окон начали просачиваться свет наступающего дня и необъятный мир, полный всевозможных тайн и знаний. Не обязательно быть мудрецом, чтобы их постигать, достаточно быть свободным от догм, внушаемых нам мудрецами. Существует лишь одна необходимая наука – наука свободно мыслить самому без заданных рамок, без всяких априори. Ищи свой путь и будь спокоен.

Впрочем, человек не сможет стать свободным, если его будет угнетать голод – подумал и почувствовал, как разыгрался аппетит. Наше тело тормозит мысль. Так вот что такое стресс – при одной мысли «голод» желудок сжимается и зовет на помощь...

Ну, наконец-то! Назаров выцепил автобус «ПАЗик», и мы едем его левым рейсом с Казанского вокзала в гостиничный комплекс «Измайловский».

Сколько суеты на переполненных улицах. Автомобилисты сигналият в пробках, пешеходы толпятся на остановках и у входов в метро. С воем сирены проезжает машина скорой помощи. Москва! Как много в этом слове для сердца русского! Где-то здесь в Кремле всеми обожаемый Михал Сергеич Горбачев, объявивший стране перестройку. Только зачем поднимать потолок, когда пол проваливается?

Измайловский гостиничный комплекс. Назаров рассчитывается с водителем автобуса – тот требует прибавки: мол, задержался с вами в пробках. Так мы что ль в пробках виноваты?

Ох, уж эти москвичи! – совсем гостям не рады.

Возникает пауза неловкая.

Двухметроворостый Николай Николаевич громыкает басом:

– Помнится, конкистадоры Кортеса спалили свои корабли на мексиканском берегу, чтобы не испытывать искушения вернуться в море. У нас нет выбора – автобус придется сжечь, если мы хотим попасть в Америку. У кого есть, дайте спички.

Водитель уезжает разочарованным.

Более уютной комнаты гостиничного номера я в жизни не видал – светло и чисто прибрано. С высоты 24-го этажа открывался великолепный вид на столицу. Жаль, что пристанище на сутки – я бы пожил здесь. Москву бы посмотрел. Вагиз Захарович (сосед по номеру) обещает показать. Но сначала дело.

Назаров предлагает всем оставить сто рублей для обмена на кубинскую валюту, остальные деньги сдать в сберкасса до возвращения с острова Свободы. Эту кучу финансовых купюр я, как комиссар, должен отвезти по назначению и положить на свое имя. В охранники мне дадены два провинившихся летуна. Они Москву знают.

– Пойдем через парк – тут ближе.

И это парк?! Три чахлые березы – Измайловский парк? Ну, блин, москвичи, вы даете! – стране угля: мелкого, но много.

Но нет, лучше ни о чем не думать, а то воображение опять может завести слишком далеко и поставить все с ног на голову. А у меня в портфеле состояние, которое жжет руку. И еще экскурсия по Москве. И еще...

Черт возьми! Я жрать хочу! Маковой росинку во рту не было, как покинули наш фирменный «Южный Урал». А хлопотное утро перетасилось в день....

Был уже полдень, когда я, наконец, избавился от денег.

Вагиз добросовестно ждал меня в номере, валяясь на кровати. В Москве у него живет сестра – он позвонил, и она пригласила нас на замечательный татарский плов.

– Никаких сестер, – заявил я. – Времени в обрез – пельменная и площадь Красная.

На лице Захарыча отразились растерянность и огорчение.

Наскоро перекусив в чебуречной, спустились в метро и поехали в сторону центра.

То ли обидевшись за плов и сестру, то ли еще чего, Вагиз беспрестанно ворчал – на Москву и москвичей, на погоду (было хмуро, сыро) и мою провинциальность. Мы еще спустились в метро, а я уже думал, что меньше всего хотелось бы проводить время в его обществе. Но куда деваться? Я первый раз в столице – не знал даже, на какой маршрут садиться, на какой остановке выходить. Пусть говорят – язык и до Киева доведет, но в Киев мне сейчас не надо. И я терпел ворчуна-соседа, кляня его (не в слух, конечно) татарской мордой.

В какой-то момент терпение лопнуло – выругался про себя. Ядовитые слова в адрес Вагиза уже готовы были сорваться с губ. Собирался заявить, что не нуждаюсь в его услугах проводника, как вдруг подумал, что мне еще ночевать сегодня с ним придется, и лучше уж смолчать. Мне невтерпеж побывать на Красной площади – где парады ходят табунами и демонстрации, где Ленин в Мавзолее и Горбачев в Кремле. Ради такой цели можно было перетерпеть сварливого татарина. Русь триста лет терпела их – не надорвалась.

Добрались на удивление быстро. Немного прошли....

Красная площадь действительно была Площадью – скопление народа и простор. Дух захватило! А Вагиз все гундит, гундит над ухом. Нужно прогнать его, подумал, но слова отчего-то застряли в горле, а к глазам подступили слезы. Встал и стою, озираясь, в самом центре. Совершенно отрешенный, испытывая в тот момент только одно чувство – мучительно сладкое счастье сопричастия к русской истории. Казалось, что каждый камень брусчатки под ногами свят и наполнен свидетельством великих событий. И самый воздух исполнен звуками гимнов и воплями народа всех веков. Патриотизм шемит сердце – хочется служить Отчизне каждой частицей своего существа. Какой эффект! Вот это да!

– Сейчас смена караула будет, – Вагиз тянет к Мавзолею. – Пойдем, позырим.

Заметив мое состояние, удивился:

– Ты чего?

Мы пристроились к большой толпе зевак с камерами и фотоаппаратами – а кто и просто так, вооруженный любопытством.

– Смотри, – сказал Вагиз, – сейчас появятся из ворот башни.

День задался хмурым и холодным. В воздухе пахло снегом.

Но лишь раздался звук строевого шага караульных по спине побежал озноб.

Толпа заволновалась:

– Смотри! Идут! Идут, смотрите!

Впрочем, слышна была и тарабарщина языков мира, но смысл таков же.

Зажужжали камеры, защелкали фотоаппараты, засверкали вспышки.

Наши парни brave с карабинами в руках шли на пост №1. А эти суеются, балаболят так, что оторопь берет. Ну, замрите же вы, черти иностранные – куранты бьют!

– Даже не думай! – Вагиз потащил меня прочь от очереди в Мавзолей. – Смотри, конца не видно: до закрытия и половина не пройдет. Погнали в ГУМ: водки купим – ты мне должен за экскурсию.

Насчет долга он был прав. А возможно, и очереди. Настало время мне брюзжать:

– Ты, Вагиз – настоящая занудная задница половецкого коня!

Он не обиделся, он даже взорвался смехом.

– Где слова берешь? – с тобой от скуки не помрешь в ближайшие сто лет!

В ГУМе взял горячительных напитков для Фиделя и Вагиза.

Потом начались бодания.

– Поехали к сестре – там плов.

– Отстань! Возьмем чебуреков на закуску и в номере посидим перед телевизором.

– Пора прекратить эти глупости твои, – заявил Вагиз. – Ты в Москве, а не в своей деревне.

– Знаю, – согласился я. – Езжай один – она ведь брата ждет. Водку возьми – ты заслужил.

– Ты, Анатолий, мужик неплохой, – Вагиз подвел черту знакомства. – Твое общество мне по душе, но через чур всерьез воспринимаешь жизнь. Я это вижу. Когда-нибудь бываешь беззаботным? О чем ты думаешь? О чем молчишь?

Он проводил меня до номера в гостинице, а потом сунул в карман зимней куртки бутылку водки:

– Я к сестре: давно не виделись, и жаль тратить тут с тобой такой чудесный вечер.

Ну, а мне не жаль. Уложив покупки в чемодан, спросил у горничной, где есть буфет на этажах – сходил, поужинал. Потом погрелся в ванне. Включил телевизор и лег спать.

Проснулся среди ночи – Вагиза не было. Выключил телевизор. Отдернул штору и, придвинув к окну прикроватный столик – он на колесиках – сел на него в трусах и позе лотоса, ладони на коленях.

Передо мной была Москва в сиянии ночных огней. А я так высоко, словно лечу над ней – завораживающее зрелище. И почему все это так... так невероятно, так ослепительно прекрасно? Только лишь потому, что подо мной Москва? В Париже или Нью-Йорке фонари светят не так?

Как здорово все получилось – ночь, сверкающий предновогодними гирляндами огней огромный город, полет на ослепительной высоте. Увидеть Москву и умереть! Нет, я точно должен умереть! Не может же столица всегда действовать на меня именно так. А разве я подозревал, что в моей душе кроется столько огня?

Ушедший день и эта ночь стали откровением.

Как хорошо, что нет Вагиза – никакого не было желания с ним разговаривать, хотелось быть одному и думать о вещах великих, вечных и непостижимых.

О небе, например... неба тоже нет. Только светлячки огней на земле – сверкают, загораются и гаснут, гоняясь друг за другом – мрак неба разогнать им не под силу.

О Москве, которая разбудила в душе неведомые доселе чувства. Какой прекрасной кажется она от своих огней, мерцающих, словно расплавленное золото. И, вроде как, она вытягивает из меня самую суть меня. Из глубины души – я чувствую – поднимается страстное желание жить здесь и править государством. Еще неистово желал чего-то – но сам не знал чего.

Возможно, наступила ночь осознания своего могущества – в смысле, что я могу?

Перевел дыхание.

Как же приручить тебя, Москва?

И усмехнулся, будто получил ответ.

Ну, хорошо – как завоевать доверие твое, уважение и признание; стать другом как?

И сам ответил – скоро, уже совсем скоро, моя столица, мы больше не будем себя чувствовать одинокими, потому что мы будем принадлежать друг другу навсегда.

Навсегда! – мне понравилось, как прозвучало это слово.

2

Из аэропорта Шереметево-2 летят воздушные суда во все концы планеты. Кого тут только не увидишь – греков с итальянцами, сирийцев и евреев, арабов всех мастей и папуасов. Ну, а меня, понятно дело, народ здесь видит в первый раз.

Когда человек привыкает к чему-нибудь, он смотрит на это притупившимся взглядом. Я же здесь смотрел во все глаза. И то, что видел, заставляло призадуматься: человеческий интеллект, который стоял за тарабарской речью, цветом кожи и разрезом глаз, был непонятным, а потому всеподавляющим.

Интересно, – думал я, – какие чувства в них вызывают русские? Здравым смыслом – мы всегда служили миру избавителем: Наполеону Бонапарту с Адольфом Гитлером бестолковки отвернули, татар остановили, которые монголы. Теперь пиндосов из Соединенных Штатов держим на прицеле. Но тут правит историческая мудрость – сам выбирай себе врагов, не заводи случайно. А коли выбрал, помощи раскаяться. Наверное, поможем.

Ладно, это все – заслуги не мои. Моя задача – сделать честь острову Свободы своим визитом. Вот только так и не иначе! А домой вернусь, буду гордиться – я на Кубе побывал. По другому ведь нельзя: люди подумают – не возгордился человек, значит гордиться нечем.

А как там с климатом? Чем встретит остров сахарного тростника? Москва золотоголовая морозцем провожает. Нас завели в какой-то закуток, раздели чуть ни донага – ботинки зимние на туфли поменяли: на Кубе снега нет. Переживем! Другое дело – что там делать? Праздность для меня – проклятие! Я расцветаю, лишь когда приходится работать напряженно. А ром, девушки, кубинские сигары...

Впрочем, посмотрим.

Я почувствовал, как восторг наполняет душу. Карибское море! Оно наверняка не схоже с тем, что виделось в Анапе. Сколько раз представлял его в романах Сабатини и Шишовой!

Да что там море людоедов! Весь мир лежал передо мной – садись в самолет любой, лети во все концы планеты. Но даже на задуманном маршруте – чудесных впечатлений тьма. Пусть будет всего месяц приключений, но этого вполне достаточно. Это даже больше, чем достаточно: на годы дум, на два века размышлений!

Пожалуй, с тех пор как покинул Увелку, сегодня мне впервые захотелось от души шутить, смеяться, подразнить кого-нибудь... А когда один из летчиков-налетчиков и моих бывших телохранителей (в сберкассу сопроводителей) шепнул доверительно: «Червонцы есть? Заныкай и в декларацию их не вноси – на десятки наши, что угодно можно в Шенноне купить: берут, как баксы», как не крепился, тут, не выдержав, расхохотался:

– На шпионские нужды собирают?

У меня оставалось несколько трехрублевок. И я решил «заныкать» их для бедненьких шпионов – не внес в таможенную декларацию. Но пограниц на КПП так осуждающе посмотрел, что я решил избавиться от контрабанды еще до посадки в самолет.

И тут на витрине какого-то киоска (буфета? бара?) в зоне ожидания впервые увидел газированный напиток «FANTA» в двухлитровой пластиковой таре. Я чуть не закричал восторженно – заграница началась! Вероятно, у всех бывает такое чувство – когда что-нибудь услышанное увидится, да в первый раз.

Сунул девушке трояк. Мало? Достаю еще. Она качает головой:

– На инвалюту.

Во, блин! Заграница началась – будто не в Москве уже.

Видимо лицо мое стало таким растерянно-несчастливым, что девушка по ту сторону прилавка ласково спросила:

– Куда летите? На Кубу? Ой, как интересно! Привезите мне ракушку – вот такую. Или звезду морскую. Или коралл.

– Будешь ждать?

– А вы учтивый кавалер? Что же вы нахмурились? У вас нет ни жены, ни девушки?

– А ты поедешь из своей Москвы со мной в колхоз, быкам хвосты крутить?

– Нет, уж лучше вы в столицу.

– И кем я буду здесь работать?

– Москва большая, что-нибудь придумаем.

Шикарно завитые волосы буфетчицы пепельной гривой ниспадали на хорошенькие плечи. Мне вдруг захотелось окунуть лицо в эти причудливые локоны, прижать девушку к своей груди. Но мало ли чего в жизни иногда хотелось...

– Сердце красавцев склонно к измене, – пропела она мне на прощанье.

Простая трепотня, а я расстроился. Сел на диванчик, ожидать объявления на посадку в самолет рейсом «Москва – Кингстон». Только успел закрыть глаза, навалился сон. И очень странно было мне, что сплю и вижу песчаный берег тропического острова, пальмы; слышу крики попугаев и шум резвящегося по соседству мальчика.

Его мама с типично британским вытянутым лицом очень спокойно относилась к шалостям сынули. А он то бегал в ботинках по мягким диванчикам, то ползал по полу, изображая охотника на – кто у них там, на Ямайке водится? – наверное, кайманов.

А рейс, похоже, что задержат. На небо, такое нежно-голубое с утра, набежали облака, сгустившиеся в тучи, и пошел снег.

Ну, задержат, так задержат – можно будет улечься на диванчик помечтать. Или хотя бы выспаться, как следует. В последний раз, на родной земле...

Несмотря на угрозу задержки рейса, наши туристы громко и весело переговаривались, а женщины в кружке даже песню затянули.

Только Роза на шалости пацаненка недовольно проворчала:

– Вот ублюдок!

По тому, как прищурилась его мама, я понял – она знает наш язык.

Ни петь в хоре, ни ругать чужих детей мне не хотелось. Полежим, подумаем – сказал себе, скинув туфли и вытянувшись во весь рост на диванчике.

Почему решил, что мама маленького непоседы англичанка, и летят они в Кингстон? А может, и ни мама даже – уж больно отчужденно смотрит она на проказы мальчика. И как-то вроде бы устало... Гувернантка? Нянечка? Да Бог с ними...

Отряхнувшись от реальностей, сладко зажмурился, представив себе, как сейчас выплюсь, пока непогода тормозит вылет самолета.

Однако выспаться в аэропорту в тот день мне не пришлось. За полчаса до времени отлета подтащили самолет впритык к аэровокзалу и объявили нам посадку.

– Не выспались? – с улыбкой спросила Роза, пока мы топали телескопическим мостом на борт.

– Да что вы! Спать-то я не спал, но зато лежа мог наедине с самим собой и без помех переварить все впечатления.

– За границу первый раз?

– Да как сказать! Когда командир курс корабля неверно рассчитает, тут и заграница еачалась. Сколько раз мы сети на винте таскали из Китая.

– Вы – моряк?

– И пограничник.

Когда усаживались, веселые голоса и смех звучали из конца в конец в двух салонах самолета. Если не знать, что мы летим одной командой, то можно было бы решить, что просто встретились добрые друзья.

Пристроившись в своем кресле, я тут же крепко прикемарил, несмотря на всеобщее оживление. Проснулся уже в полете.

Противный мальчуган оказался рядом – через проход. Тоже уснул и проснулся вместе со мной, моргая слипшимися от слез ресницами. Тоненьким голоском с горестным всхлипом позвал кого-то одним словом, очень похожим на «мама». Его строгая наставница лишь покосилась. Но тут же откликнулись сердобольные русские женщины. Несколько рук потянулись к иностранчику:

– Иди ко мне. Иди-ка сюда, детка.

И малыш, вынырнув из-под ремня, отдался в чужие и добрые руки, доверчиво опустив кудрявую головку херувимчика на грудь незнакомой женщине, готовый снова уснуть под ласками и поцелуями. Опекунша (гувернантка или мать) головою лишь качнула осуждающе.

Я полулежал, откинувшись в кресле, и думал, думал, думал...

Случается же видеть сны, после которых жалко просыпаться! Мне снова грезилась далекая страна – море, пальмы и какая-то очень смуглая сеньорита. Она удалялась от меня, ступая глубже в воду – сверкающие под лучами солнца волны поглощали ее бронзовые прелести. Она оглядывалась на меня, призывно улыбаясь. И никого. Я поклонился низко ей. Она засмеялась и на чистом русском языке: «Мужчины так никогда не кланяются любимым дамам». Я снова поклонился, приложив руку к сердцу. «Другое дело!» – она нырнула, сверкнув шоколадными ягодицами в капельках сверкающей воды...

Тут я и проснулся. С трудом успокоившись, огляделся. Многие тоже спали. Здоровяк Николай Николаевич храпел могучим басом. Вспомнились наставления моей покойной ныне бабушки Даши: «Ночью – грозовые тучи, а утром, глядишь, солнышко! Так и настроение наше...» Рейс не отложили – самолет взлетел, не смотря на снег, и мы летим на запад, догоняя (обгоняя?) солнце. «Помни, внучек, самые черные ночные мысли уходят, когда поднимается солнышко!» – тоже от мудрой Дарьи Логовны. Дак когда же мы его увидим?

Мое кресло крайнее к проходу. А у иллюминатора расположился пожилой азиат юго-восточной внешности – между нами другой, но помоложе. С улыбками в четыре глаза они косились на меня, явно рассчитывая на общение. Говорить хотелось пожилому, а умел по-русски молодой. Они почирикали между собой, и молодой напыщенно спросил:

– Слышали ли вы когда-нибудь о Вьетнаме?

Странно было слушать эту чушь. Но я невольно подобрался, как ученик, отвечающий урок. Конечно, о такой стране я, безусловно, слыхивал – кто как ни жители ее наголову разбили надменных мерикосов?

– Вьетнам расположен на полуострове Индокитай.

– А слышали ли вы о городе Зьонгдонг? – продолжил молодой.

– Нет, – я пожал плечами.

– Мы оттуда. Там всегда тепло и снега нет.

Некоторое время помолчав, молодой начал меня пытаться:

– А вы откуда?

– Из Челябинска.

– А что там интересного?

Начинается! Вот она – подписка о неразглашении государственных тайн! Под видом дружелюбных вьетнамцев ко мне подкатывают агенты ЦРУ. Послать или наврать? Может, подставиться? – дать себя завербовать, сыграть в предателя и сдать их в КГБ. Не зря ведь я служил в войсках госбезопасности!

– Кому что. Я, к примеру, работаю на сверхсекретном оружейном заводе – в цехе, где снаряжают самые современные ракеты под названием «Кердык Америке». Слышали?

Соседи переглянулись, почирикали. Старикан достал из внутреннего кармана куртки военного пошива плоскую фляжку с горлышком, открутил пробку, предложил выпить.

Я глотнул. Если это виски, то дрянное – хуже батиного самогона. Но головка поплыла, язык взбодрился.

– Я – технолог. Чертежи читаю, рабочим объясняю, как мастрячить. Без меня никак.

Молодой чирикал, переводя. Старик с ласковой усмешкою кивал. Похлопал меня по ладошке – пей, мол, продолжай! – когда попытался вернуть ему его сосуд. А меня несло – глотнул еще и похвалил:

– Люблю я это пойло! На работе спирта много, а платят мало. Мало платят, говорю, нам за работу.

Ну, что же ты, мурло вьетнамское из ЦРУ? давай вербуй!

А старик утратил вдруг интерес ко мне. Потребовал вернуть фляжку, закрутил колпачок и, сунув ее в карман, нахохлился.

– Вы кем работаете? – спросил я молодого.

А он:

– Дипломатами.

– Летите на переговоры?

Он кивнул.

Ну, черте что! Дипломаты в ватниках!

Старик скоро задремал. А в проходе появилась стюардесса с закусоном на тележке.

Мы с молодым вьетнамцем откинули перед собою столики и налегли на окорочка с рисом в аэрофлотовском тuesке. Стюардесса покатила дальше. И тут проснулся старикан – забеспокоился, задергался, руку вытянул над креслом, по-русски закричал:

– Давай!

И я окликнул девушку с тележкой.

Насытившись, соседи из Вьетнама уснули, носами пересвистываясь.

А я вернулся к своим мыслям.

У каждого человека должна быть страна Офир. Что за страна такая? Не знаете? И не буду объяснять. Как говорят попы – ищите и обрящите. У меня она есть. Раньше это была Волшебная страна Александра Волкова. Ну, помните – фокусник Гудвин, Изумрудный город, Железный Дровосек, Страшила и деревянные солдаты Урфина Джюса. Потом – необитаемый остров, на который хотел попасть однажды и жить до скончания, творя уют душе и быту. Теперь этот остров приобрел название. И цель возникла. Я сделаю карьеру в партии, и в должности Генерального секретаря ЦК КПСС присоединю Кубу к моей стране 16-ой республикой союзной. Естественно – советской и социалистической. Уходя на пенсию, поселюсь на вилле где-нибудь на берегу Карибского моря. Вот что такое собственная страна Офир!

Самолет гудел-дрожал, пронося нас в своем чреве над Балтийским морем.

Я снова задремал и очнулся вдруг с тревогой – особенно страшной потому, что непонятной. Что-то случилось? Или должно случиться? Откуда это чувства надвигающейся опасности? Проснулся (теперь я уже это ясно вспомнил), разбуженный какой-то фразой, произнесенной над самым ухом. Кто ее мог сказать? Повертел головой – все соседи спят беспробудным сном. Так что это? – глас свыше? Мол, кердык, Толян, подкрался – дремать кончай!

Хоть и не страдаю клаустрофобией, но почему-то навалилась тоска. Захотелось поскорее выбраться из самолета – пусть даже в полете. Я полулежал в откиннутом кресле, и сердце мое бешено стучало, а глаза, казалось бы, спокойно – хотя какое тут спокойствие! – оглядывали все вокруг. Не найдя причины беспокойства, перевел дыхание. Мысли потекли...

Вот говорят попы – в бесконечности Вселенной не существует ничего такого, что не было бы создано Высшей Силой. Бог смастрячил нас по образцу своему; нам для проживания – нашу голубую Землю и окружающее ее пространство. Ничто не может случиться с нами и планетой без Его ведома и воли. Ну, а как захочет – хоть замолись...

Как все просто и понятно. Живи и тешь себя тщеславным заблуждением: будто ты – внебрачный сын Отца Христова. Бесчисленное количество людей подвержены такой мании величия. Они воображают себя неповторимыми и незаменимыми. Будь я в их числе, сейчас бы не томился – проснувшись в страхе, зевнул-перекрестился да на другой бок. А с марксизмом-ленинизмом в голове трясусь встревоженный!

Страх отпустил, однако.

Может, определенная доза паники просто необходима организму, чтобы взбодриться в долгом полете? Вот интересно, бывали случаи самоубийства в воздухе? Представил невозможное – пассажиры, открыв двери самолета, выходят на крыло и бросаются вниз в порыве отчаяния. Ну, там – жена изменила, дети плохо учатся, дела пошли хреново... да мало ли чего. Потом вспомнил летчиков. Вот действительно у кого мы все в заложниках. Захотел парень из «Аэрофлота» порезвиться – ата-уту! – кердык свою машину на крыши фермерам голландским. Ну, или в море. И нет ничего удивительного в том, что на мягких креслах пассажирам дискомфортно в самолете – отсутствует равновесие душевное. Для того, наверно, нас и пичкают коктейлями как с картинки стюардессы – чтобы заглушить общий синдром обеспокоенности.

Кстати, о них. Две наши бортпроводницы – блондинки с фигурами манекенщиц – обладают ритмичными движениями. Любуясь ими, уяснил, что они ходят, пританцовывая стройными ножками, обтянутыми черными колготками. Белые волосы контрастируют с черной тушью на длинных ресницах, подчеркивая глубину глаз.

Попробовал представить их в вечерних нарядах «а ля Голливуд» на босо тело – чтоб не было под ними ни трусиков, ни лифчика и ни колготок. В прекрасных платьях с большим декольте и глубоким вырезом на спине, доходившим до самых ягодич, вызывающим желание заглянуть пониже.

Вот кого бы закадрить!

От неприступных стюардесс мысль перекинулась на выражение «доступная женщина». Нет некрасивых женщин, есть мало выпитой водки – это понятно, это наше. Нет не дающих женщин, есть плохо просящие мужчины. И эта мысль ясна. Что же означает словосочетание «доступная женщина»? В какой момент не надо пить, не надо и просить, а просто взглянул-кивнул и подмигнул – она твоя? Наверное, необходим для этого набор каких-то качеств? Скажем – славы? денег? власти? Может, красоты мужской? Или мужественной?

Не нашел ответа – раньше объявили о предстоящей посадке самолета в ирландском аэропорту. Стюардессы прошли, всех разбудили, попросили пристегнуть ремни.

Самолет стукнулся о землю, прокатился взлетной полосой, обозначенной двумя линиями огня. Заглохли двигатели. Тягач подтянул гостя из Советского Союза к зданию аэровокзала, в борт ткнулся телескоп моста. Нам предложили отстегнуть ремни, встать и пройти в зону ожидания аэровокзала, пока самолет будут заправлять горючим.

Здесь, в Шенноне, отвратительный московский зимний день сменила ночь, полная рассыпанных огней на небе и земле. Вот он – мир проклятого капитализма во всем своем великолепии! Только слабые умом спорят с очевидностью – тут красивее, но... Во все века измена Родине есть конфликт общества и человека, а целью служит личное благополучие. Основа этого конфликта всегда одна: будь смелым, целеустремленным, дерзким, и общество прогнетя под тебя.

Гуляя не спеша по огромному и пустому залу ожидания шеннонского аэровокзала, прикидывал в уме свои шансы добиться успеха в мире свободного предпринимательства. Схемы самые неожиданные воспламеняли воображение. Идеи одна за другой зарождались и зрели в мозгу. Обдумывал их – находил уязвимые пункты и отвергал. В конце концов, пришлось остановиться на мысли – не сомневайся в мелочах, если считаешь себя по жизни деловым. Надо

довериться инстинкту. Разум может подвести, но инстинкт свободного предпринимательства непобедим.

Мысленно воскликнул даже – Господом клянусь, он у меня есть!

Но, черт возьми! что я знаю о бизнесе, чтобы быть уверенным в своем успехе?

Только то, что подсказали книги Теодора Драйзера.

Скажем, по пунктам:

– нельзя распускать сопли;

– распатронить конкурентов любыми способами....

Нет, конкуренция – это бой на ринге, где нокаутированный тут же заменяется новым бойцом, а то двумя-тремя....

Надо организовать такой бизнес, до которого здесь еще никто додуматься не сумел, и я буду вне конкуренции.

И тут же сомнения – уверен, что будешь?

Но на войне не победить без веры в победу. Мне предстоит жестокая схватка с обществом, преуспевшим в капитализме. Необходимо разработать стратегию и тактику, как в настоящей армии, начавшей боевые действия. Одного только желания, а также смелости, напористости и дерзости еще мало, чтобы выиграть войну.

Ах, если бы у меня была тема, чем заняться, чтобы деньги потекли ко мне рекой, я прямо здесь и сейчас перешагнул границу разделяющие наши миры.

С облегчением вздохнув, что темы, как делать деньги в мире свободного предпринимательства у меня нет, пошел осматривать достопримечательности зоны ожидания аэропорта Шеннон. Таков уж я – предатель Родины, но патриот своей страны. Равновесие душевных сил – залог того, что вся игра (а это жизнь моя) основана на паритетных началах. То есть взаимная зависимость добра и зла (как инь и янь моей души) обеспечивает верность общим интересам здоровья духовного и плотского. Таков уж я – злодей по мыслям, но добрый человек в душе. Пусть Бог помилует меня!

Назвать самый крупный аэропорт Ирландии роскошным нельзя. Но разумно обустроенным возможно. После духоты Шереметево-2 здесь показалось через чур прохладно. Но это не от кондиционеров – за стенами из стекла зима, а ирландцы бережливы.

В центре зала ожидания овальная стойка бара. Высокий тонкий лет под сорок бармен двигался медленно-небрежно, насвистывая жалобный и замысловатый мотив. Большой рот его, казалось бы, готовый растянуться в приветливой улыбке, сейчас скорбел – ночь, спать охота. На подошедшего меня вскинул брови – чего угодно? Я положил «трояк» на стойку и пальцем указал на пачку «Camel». Бармен прервал свой затейливый мотивчик, внимательно посмотрел на предложенный дензнак и отрицательно покачал головой.

Ну что ж, приходится признать – с «трояком» я сел в калошу. Будь это «десятка», тогда другое дело. Да Бог с ними, с сигаретами: в кармане есть – и я пошел курить.

Какой еще вопрос решить, пока я в Шенноне?

Ах да, женщины! Их здесь не вижу. И, может, слава Богу! Судя по лошадиной рыло соседке в самолете, что летит в Кингстон, женщины британских островов страшнее атомной войны. Я дома временами чувствовал себя женоненавистником – ума не прилагал, чего ради все стараются меня женить. Здесь бы точно был – и хрен женился!

В курилке стоял дым коромыслом. Казалось, все мужчины с самолета собрались сюда, а расчетливые ирландцы отключили на ночь вентиляцию. Впрочем, были тут и женщины. Вот Роза, попыхивая сигаретой, элегантно зажатой двумя пальцами в сиреневых ногтях, ведет дискуссию с парторгом Троицкого учхоза:

– И вы знаете, в чем счастье женщины?

Николай Николаевич горячился, громыхая басом:

– Вот ты в восторге от себя, потому что женщина – не так ли? В этом смысл твоего существования. «Я красивая женщина, – говоришь ты себе, – и оттого желанна всем мужчинам. Если бы захотела, десятки мужиков передрались между собой из-за права обладать мной». Это сознание делает тебя счастливой.

– Вы, наверное, всех бы одолели.

– Вздор! Я бы мог из-за тебя подраться, но лишь ради секса. Не возводи перепахон в апофеоз – любовь и счастье это совсем другое.

– Так учит партия? – облила его презрением Роза.

Николай Николаевич сердито посмотрел на нее взглядом хищника, высматривающего раненую антилопу гну, и нервно сунул сигарету в рот.

А я подумал – слагаются пары в курортные романы.

Лишь спорщики утихли, поднялся общий гам. Народ ставил «два» скупым капиталистам за дым, за хлад аэровокзала, за отсутствие доступного спиртного. Сквозь град ехидных образов пробился хриплый выкрик остряка:

– Народ, они в Москве похитили погоду! Отомстим!

И под общий гогот бычки полетели куда угодно, но не в урны.

За дверью из курилки веселье тотчас стихло.

Самолет не только заправили, но и сменили экипаж.

После взлета, ложась на курс, авиалайнер накренился на крыло, и я увидел в иллюминатор раскинувшуюся под нами панораму города – она напоминала шитое серебром и золотом огней лоскутное одеяло. Прощай, Шеннон!

А в иллюминаторах другого борта заискрились звезды крупные – ну, совсем рядом! – того гляди, крылом сшибем.

Нам предстоял многочасовой прыжок через Атлантику.

А я задался целью раз и навсегда решить для себя женский вопрос. На высоте 11 тысяч метров над океаном – самое то. Злободневным он стал из-за легкомысленной милашки Розы. Она лет на пять меня моложе, обладает аппетитной фигурой, полной приятных изгибов. Это ее я приобнял, утешая – еще в Челябинске. Как бы «застолбил», а она глазки строит великану из-под Троицка. Что за свинство?

Итак, кто я по отношению к женщинам – деспот или подкаблучник? Сам считаю – подкаблучник: мне так проще. Начиная строить отношения – приятельские или серьезные – предупреждаю избранницу: «Сделаю все, что прикажешь (лишь бы было в моих силах), только не смей никогда плакать без причины, кричать на меня... и Боже тебя сохрани от упреков! Короче – я твой раб из лампы, но ты имеешь право:

– плакать лишь в моем отсутствии;

– кричать при родах;

И не имеешь права упрекать меня. Ни в чем!

Три этих постулата, как три шеста, подпирающие вигвам – каждый из них поддерживает два остальных: ни один не держится сам по себе. Зато в этом вигваме я создам для тебя мир, какой захочешь. Идет?»

Когда найду женщину, согласную на это, немедленно женюсь! Ну, а если вдруг нарушит договор, стремительный кердык – вон Бог, вон порог, из сердца вон!

Принято всеми фибрами души – единогласно!

Вот такие установки стали нормой жизни в небе над Атлантикой.

И ведь не прихоть, поверьте мне, не прихоть, извращенной психики эти постулаты. Так предначертано мне Роком: я – Дева, рожденная в год Деревянной Лошади и наделенная Природой болезненным чувством справедливости. А какая справедливость в женских капризах – плаче, оре иль наезде? Ни-ка-кой.

Вот так, прекрасные мои! Остается только удивляться изощрениям Гороскопов, Рока и Судьбы. А что поделаешь? Живем и терпим – счастья ищем.

В салоне слышен голос стюардессы:

– Из Ирландии мы держим курс к Нью-Йорку, но в США не залетаем – вдоль побережья Северной Америки, если смотреть по карте, спускаемся к Большим Антильским островам.

– Зачем же такой крюк – не проще напрямик?

Кто-то спросил, а стюардесса склонила милое личико ко мне, обдав духами – и даже мысль мелькнула: не хозяйка ли крылатой машины пугает спящих пассажиров?

Но она спросила:

– Любитель острых ощущений? Про Бермудский треугольник слышали?

Конечно, слышал! И стал думать о Бермудах – загадочном месте пропадания судов – не давая воли панике. Но первым на ум пришел Нью-Йорк – этот огромный сволочный город, где спят и видят скорую погибель СССР. Вот муды так муды!

И вот тогда мне в голову пришла сакраментальная мысль – проклятых капиталистов надо бить их оружием. То есть – внедриться в общество, достичь деловых вершин, финансового могущества и ниспровергнуть общественные отношения. То есть – долой лживую буржуазную демократию! вся власть Советам народных депутатов! Ну и, заводы, фабрики, газеты... в руки трудящихся. А? Какова мысль? Классика!

Короче, готов мигрировать в мир свободного предпринимательства – есть смелость и талант! – чтобы, добившись в нем успеха, его же ниспровергнуть. Посылай, страна родная!

А потом страх закрался в душу: ведь мы на родине своей без жестокой конкуренции в овец превращаемся – пушистых, безобидных – которых голыми руками взять, как два пальца об асфальт. Что делать?

Но не хотелось поддаваться панике – хотя бы потому, что чувство независимости и любовь к Родине мгновенно превращает русского увальня и недотепу в разъяренного медведя, которому нет преграды в мире.

Эти мысли отвлекли от окружающего мира – даже не заметил, как на небе появилось солнце. А когда заметил, ко мне вернулись привычное здравомыслие и оптимизм – в один миг забыл ночные страхи и их последствия. Но счастлив буду, лишь покинув борт летающей машины.

Мысли потекли другие.

Вот если бы сидел у иллюминатора, то уже видел под собой бескрайний океан и любовался игрой его цветов. Легко представил белые паруса каравелл Колумба, зеленое пятно Саргассова моря. Погрузился бы в путешествие во времени, разглядывая корабли на глади воды. В прежние времена они ходили к неведомым берегам в поисках золота и драгоценностей. А еще охотились дружка на друга и топили уступившего, пряча концы в воду. Иногда корабли уходили на дно с трюмами, полными сокровищ. И поныне там лежат – золото ведь не ржавеет. С поверхности воды их не увидишь, а вот с высоты полета самолета вполне возможно. Жаль, что мое место у прохода.

Почувствовал, как взалкал сокровищ дна морского. Горячий кофе, что развозила стюардесса, не остудил жажды наживы. Впрочем, меня не интересует личное богатство, как таковое – гораздо увлекательнее поиски подводных кладов. Какой прок от них на дне морском? Ожерелья, перстни и подвески, если найду, подарю любимой женщине (Любаше что ли?), а короны и каменья сдам в музей. Но чтобы не было у зрителей сомнений, на экспонатах пусть напишут – поднято со дна морского Анатолием Агарковым во время его визита на Кубу в декабре 1985 года. В газетах под соответствующими заголовками, наподобие: «Искатель кладов» – будет опубликована моя сияющая физиономия...

Но не подумайте, ради Христа, что я развлекаюсь шизофреническими мечтаниями. Совсем нет – просто вхожу в образ кладоискателя, о котором напишу книгу вдохновленный

экзотикой Кубы. Таков будет ответ на праздно проведенный отпуск. И беллетристика уже затягивала. Хотя надо признать, это – первые впечатления: впереди еще истории об индейцах, пиратах, робинзонах и масса других интригующих тем Больших Антильских островов в Карибском море.

У меня в чемодане, который сейчас в багажнике самолета, есть чистая общая тетрадь и шариковая ручка, призванные помочь сохранить впечатления для будущей книги. Помнится, подобное намеревался и на БАМе, куда улетел комиссаром стройотряда через месяц после свадьбы. Но когда открывал ее и брался за ручку, интеллект выдавал одно только слово – Лялька... Лялька... Лялька... Лялька... Одну лишь фразу – я люблю тебя. Такой лаконичный был роман.

Сейчас мне ее очень не хватало – я про тетрадь.

И первым делом хотел описать полетные ощущения, чтобы остались на бумаге глас над ухом и за ним – выброс адреналина, страх, возбуждение. Надо также отразить, что в экстремальной ситуации вечно неуверенный нытик моей души совершенно преобразился – победил в себе труса и вышел из поединка со страхом без единой царапины на психике. Решительность и смелость достойны восхищения!

Чего заулыбались? Себя сам не похвалишь – кто вспомнит?

Замечтался, а мы уже на Кубе!

Аэропорт Гаваны имени Хосе Марти вызвал приступ раздражения.

Первое впечатление от острова Свободы – духота предбанника, где я еще одетый. Думал, в аэровокзале спасут кондиционеры. Но забыл о них, когда получил багаж. Вскрыл чемодан и вижу – двух стекляшек не хватает.

Вся дюжина подарочных флаконов «Красная Москва» лежат сверху – как сыпанул мне их Назаров, намекая на комиссарские обязанности, так и остались в неприкосновенности. Ополовинен склад спиртных напитков. Впрочем, нас предупреждали – разрешено взять с собой ввиду приближающегося Нового года бутылку водки (коньяка?) и шампанского (вина?). Я, загрузившись в ГУМе, думал распечатать что-нибудь в Москве. Но Вагиз удрал к сестре, пить одному не хотелось. Положил в чемодан все четыре пузыря – не оставлять же их в Москве. И вот результат.

Ай, да гостеприимство братской Кубы! Отличное начало внушает оптимизм. Хоть бы «спасибо» написали на крышке чемодана.

Ну, хорошо, счет открыт – Бог даст, сочтемся. Я закрыл чемодан с твердым намерением что-нибудь стащить запретное с острова Свободы.

Нас усадили в комфортабельный автобус с баром и барменщицей. Впрочем, ее можно назвать и стюардессой – она дефилировала проходом, предлагая мороженое и охлажденные напитки. Одного не учли организаторы – у нас еще не было местных денег.

А и были бы! За окном уже мелькали красная земля (нет, правда, красная – как отвалы огнеупорных глин в нашем ЧРУ), пальмы, необычные дома, люди и красоты экзотической страны, а я все еще не мог обрести душевного покоя и примириться с ситуацией. Внутри скрывалась боль – душевное страдание, конца которому не предсказать.

В таком настроении покинул автобус на стоянке отеля «Националь».

В городе жара совсем невыносима. От пота пиджак прилипал к футболке, а футболка плотно приклеилась к спине. Не верилось, что на календаре конец декабря, и мы в северном полушарии.

А я все дулся на кубинских таможенников, хотя сам не мог понять своих мотивов. Подумаешь, бутылку водки стащили и «шампусика» впридачу – да, на здоровье! Кстати, имея на это полное право. Просто произошло это в неподходящий момент – я ждал радостной встречи, горячих объятий. И дождался....

Сидя на диване прохладного фойе отеля и глядя в пустоту, пытался разрешить вопрос – что формирует наше настроение и подвластен ли этот процесс рассудку? В течение сорока минут, пока Назаров оформлял наше проживание, тем только и занимался, игнорируя окружающую среду. Мне показалось, что нечаянная и пустяковая вобщем-то обида может полностью изменить смысл всей столь ожидаемой поездки. Я сам не мог понять, как следует к этому относиться. Похоже, возвращается самолетный синдром – там был необъяснимый страх, сейчас – необъяснимая обида. Плюнуть и растереть не получалось. Мне казалось, что в моем лице кубинские таможенники нанесли оскорбление всему могучему Советскому Союзу.

Разумеется, таможенники имели право изъять мои излишки, но почему-то признать это не хотелось. Почему? – стремился понять, чтобы достичь какого-то иного уровня восприятия происходящего. Я уже переступил черту возможного компромисса (души с национальной гордостью), и обратного пути не видел. Уже допустил мысль об ответных действиях, и она меня пугала. Впрочем, несмотря на все свои софистические выкладки, понимал, что дальше злых мечтаний дело не пойдет.

Но ведь я же отдыхать прилетел – наслаждаться! – а голова забита черте чем. Надо поскорее осудить кубинских таможенников и отпустить им их грехи. Но, кажется, это не входит в обязанности туриста. Я превышаю свои полномочия. Сам контрабандист, а потом судья, следователь и палач – не слишком ли много для одного человека?

И все же – в чем суть инцидента?

Постепенно пришло убеждение, что случай с таможенниками – это предупреждение свыше о том, чтобы я был осмотрительнее на острове Свободы. Очень может быть, что я из-за некоей непредусмотрительности могу оказаться не в том месте и не в то время, а сама Куба станет мне ловушкой. Как все предусмотреть? – голову сломаешь, от судьбы не спрячешься. Значит, к черту сомнения, слушаем глас Вездесущего и следуем его подсказкам – пусть будет то, что будет.

Кажется, получил желаемый результат и перевел дыхание.

Как все это абсурдно! – скажите, но не спешите с выводами.

Беда в том, что сам не следую собственным советам.

Снова тяжело вздохнул – соображение о подвластности Судьбе, похоже, не очень утешало. Чувства собственного достоинства и национальной гордости в таком раскладе становились мне обузой. Чтобы считать себя советским человеком за границей, мне, по меньшей мере, необходима точка опоры. Пока же сам себя подвесил в пустоте, подвластным всем ветрам... Интересно, что еще готовит мне судьба?

– Пошли, – подошел Вагиз. – Мы снова живем вместе. Комната номер...

Он взглянул на бирку ключа, потом на меня:

– Хреново выглядишь. Не оклемался от полета?

В ответ услышал только тяжкий вздох – не объяснять же дураку, чем голова болит. Но решил встряхнуть с себя апатию – больше жизни, убеждал себя, отныне все пойдет иначе. Поднялся и даже улыбнулся – из глубины существа стал подниматься вихрь надежды, пробуждая силы. Нервный срыв, подстроенный фатальным стечением обстоятельств, дал стрекоча.

Подойдя вслед за Вагизом к лифту, ощутил вдруг облегчение и через мгновение осознал, что со мной случилось. Обида, как и самолетный страх, ушла сама. Все это очень мило и душевно, если не считать того, что я так и не понял – как вести себя на Кубе?

Положимся на здравомыслие? Не опрометчиво ли отдаваться игре волн Судьбы? Впрочем, мир достаточно разумен, а я не бессмертен, чтобы не ввергаться в крайности. Может, забыть на время о здравом смысле, осторожности и следовать природном чутью – то есть положить на самого себя?

– Ты совсем плох, – сказал Вагиз и положил мне руку на плечо. – Сейчас поднимемся и тяпнем. Для душевного сугрева.

Я вздохнул облегченно. Сейчас бояться нечего – пока, а там видно будет.

Но оставались еще усталость, голод и горькие мысли о том, что я не знаю, как дальше быть (жить?) в Новом Свете. Будто из-под ног ушла земля, и никаких вразумительных указаний Свыше, только пустопорожняя болтовня Вагиза, жаждущего выпить. Не очень-то убедительный сосед. И вообще, этот тип слишком бесцеремонен и почти наверняка глуп.

Стоило подумать об этом, как опять подкатила тревога. Считать его устами Высшей Силы? Да, Боже, сохрани!

Голодное бурчание желудка отвлекло.

– Расслабься, – посоветовал Вагиз. А потом хмыкнул и за воркотню. – Господи! Ты вечный новичок и везде нуждаешься в опеке. В Москве ты не был, на Кубе...

– А ты был?

– Но я-то здесь, а ты-то где?

А где я? Вопрос вопросов.

3

Лифт был спаренный – две шахты с чугунного плетения калитками, через которые видны движения тросов и противовесов; циферблаты со стрелками указывали номер этажа, где находится кабины. Обслуживали подъемники два флегматичных лифтера в ливреях – один чернокожий, другой белый.

– Седьмой, – сказал Вагиз и обозначил номер этажа пальцами обеих рук.

– Съете? – переспросил лифтер, разглядывая его персты.

В кабине, прикрыв за нами калитки, принялся накручивать огромное чугунное колесо – и мы двинулись вверх с тошнотворной медлительностью. Блок самоподъемника? Да нет, конечно – рычаг тормоза. Наследие американской экономической оккупации.

Двухместный номер располагался в середине тускло освещенного коридора, который мыли две горничные, окуная лентяйки в ведро с водой. И прежде, чем мы успели прошмыгнуть, они умудрились его опрокинуть.

– Блянка! Блянка! – и дальше тарабарщина на испанском.

Думаете, ругались? Блянкой звали одну из девушек. А вместе они, уперев руки в бока, хохотали, будто в луже грязной воды увидели нас с Вагизом – поскользнувшихся и растянувшихся.

Интерьер нашего номера в гаванской гостинице «Националь» был прост – в центре комнаты две массивных деревянных кровати; торшер высокий между ними; одну стену занимали раздвижные шкафы с антресолями; в углу два плетеных кресла возле изящного столика с трех ножках, на нем графин с водой и два стакана; в ванной совмещенной с туалетом ванной комнаты можно было плавать.

Кондиционера не было, но я слишком утомился, чтобы всерьез размышлять над такими проблемами. Главное – была прохладная вода. Первым делом разделся и обтерся мокрым полотенцем. Вагиз же, обшарив все углы, так оценил апартамент:

– Так что сам видишь, парень, дела у нас тут не ахти.

– Ты о чем?

– Говорю, номер незавидный достался – стыдно баб сюда водить. Черт возьми! Я не какая-нибудь ветошь, которую можно сунуть в любую щель. У меня есть права, и я... и я..

Я открыл, было, рот, но спохватился – сказать-то нечего.

Освободил окно от тяжелых штор и увидел море, стеной поднимающееся до горизонта. Оно переливалось и пульсировало – сотни оттенков различных цветов добавлялись к голубому и делали его красочным. Зрелище пьянило. Бодрость прямо таки хлынула в сознание. Самой ирреальностью своей море подчеркивало реальность всего происходящего вокруг. Впрочем, реальность эта была совсем иного свойства, нежели та, к которой привык дома – живее, зримее, экзотичнее.

Никогда не видел столь ярко-голубого неба. Паяльной лампой солнце жарило.

Я на Кубе! На острове несметных сокровищ, о которых со времен открытия Нового Света ходило немало легенд. Однако, судя по всему, нынешняя экономика страны Фиделя Кастро основывалась на общественных работах и распределении благ по списку – нечто вроде примитивного коммунизма.

– Неплохо бы выучить испанский язык, – сказал я Вагизу.

– За три недели-то? А голова не распухнет?

– По рюмашке за проезд? – предложил Вагиз.

Вытащил из чемодана бутылку водки и поставил на столик.

– Да, пожалуй, – согласился я.

Мы сели в кресла. Вагиз разлил по стаканам – выпили.

– Парень, а тебе какая понравилась? Ну, та, которая посветлей или Блянка? Может, пригласим?

Я понял, что он о горничных, и почувствовал легкое отвращение.

– Ты все о сиюминутном. Когда о вечном думать будешь? – не за горами «кряк».

Как ни странно, отвращение к темнокожим горничным вдруг уступило место симпатии к Вагизу – простому и понятному русскому татарину. Речь его была нетороплива и приятна. Чем печальней звучал его голос, тем привлекательней казался смысл слов. Потребовалось совсем незначительное усилие, чтобы простить ему его занудность.

Говоря о сестре, сердечно принявшей его в Москве, Вагиз поднял на меня глаза – в них блеснули слезы.

– А у тебя есть сестра?

Я смутился – конечно, есть, но ее гостеприимство воспринимаю, как нечто само собой разумеющееся.

Наступила томительная пауза. Я недоумевал, почему водка так всколыхнула ностальгию? А тут еще нос промок, сводя на нет гордость, которую испытывал, замечая, как быстро хмелеет мой сосед.

Он порывался отправиться на розыски Назарова, у которого наши песо, выменянные на рубли. Но я отрицательно покачал головой и указал на телефон:

– Приказано ждать звонка.

Когда же он зазвонил, я тряхнул головой и с удивлением понял, что заснул сидя.

Вагиз уже положил трубку телефона:

– Нас ждут в номере 516.

Выдавая под роспись положенные сто песо, Назаров уловил запах спиртного и напомнил, что советские туристы за границей должны вести себя достойно.

Мы вздохнули виновато.

– Кстати, начальник, – Вагиз пошел в атаку, – я нормально поел в последний раз полтора дня назад. Что-нибудь предвидится в этом плане?

– Сейчас в столовую пойдем. Там шведский стол – надеюсь, тебе хватит.

Вагиз кивнул.

Чтобы не показаться самому себе дураком за шведским столом, в очередь встал вслед за Захарычем и накладывал то, что выбирал он. От гарниров пахло пряностями, и все оказались острее на вкус – нестерпимо запекло во рту.

– Запей, – Вагиз кивнул на бутылочку газировки «тропикола».

Я отхлебнул, но глаза все равно лезли на лоб.

– Надо было пиво брать, – сказал Вагиз, запивая из тары с другой этикеткой. – По-ихнему «сербеса». Учи, парень, язык.

А я пытался привыкнуть к жжению во рту – даже испарина выступила на лбу.

– Я не очень способный ученик, – болтал Вагиз, – но основное улавливаю и запоминаю. Знаешь, как по кубински...

– Нет такого языка.

Вагиз неприлично расхохотался.

– Народ есть, а языка нет! Как это?

На нас стали оглядываться, и я предпочел скомкать диалог.

День продолжился экскурсией по городу – сначала на автобусе, а потом пешком.

В Старой Гаване не только дворцы, но и площади с улицами вымощены мрамором.

Капитолий – точная копия американского, но в нем уже не заседает кубинский парламент. Мальчишки катаются на картонках с его высоких парапетов.

Ла-Фуэрса – это крепость, которая была заложена в 1577 году. Вы только представьте! Если верить гиду, она защищала Гавану от нападений пиратов.

Сементерио-дель-Колонн (старое кладбище имени Колумба)!
Набережная Маклеон!
Ведадо!

.....

Я чувствовал, что переживаю одно из самых удивительных.... нет, просто самое удивительное событие своей жизни! В этом убеждали открытия, следовавшие одно за другим. Ничего прекраснее не случилось на моей памяти.

Хотя были и минусы.

До сих пор все, что я надеялся увидеть на Кубе, было мечтой, своего рода устойчивой надеждой. Но действительность их превзошла – не было в моих грезах таких ярких и реалистических картин. Следовательно, мечта сбылась с лихвой – и мечтать больше не о чем. В этом заключался минус. Ибо после восторга от впечатлений оставалась на душе непонятная пустота – дальше-то что? Я не знал.

Так что же с пустотой? Напрасно пытался ее вообразить, хотя она была источником беспокойства, предчувствием неведомой беды. Возможно, что хроническим. Мне казалось: даже после возвращения домой, не избавлюсь от этого ощущения. Я заразился Кубой на всю оставшуюся жизнь!

Женщина из нашей группы рассказывала. Муж съездил сюда и стал задумчивым. Она с расспросами, а он молчит – на диване газету читает. Заглянула – что интересного там нашел? А он ее держит вверх подвалом. И глазами где-то далеко. Тогда она сказала: «Хватит с меня! Я теперь еду на Кубу!» И приехала одна!

Удивительно, что остальные туристы как-то спокойно воспринимают всю эту экзотику – тычут пальцами, щелкают фотоаппаратами, кивают и качают головами, безмолвные, равнодушные даже друг к другу. Казалось, они сосредоточились на какой-то мелодии, звучащей у них в мозгах. А может, самообладание такое?

Поразмышлял о собственных чувствах, наэлектризованных до крайней степени. Показалось – весь на эмоциях. Приказал себе – успокойся, наблюдай, запоминай, размышляй. Но попытка обузданием темперамента была невыносимой.

Остановился на двух параграфах:

– я здесь;

– все это – на самом деле.

Вагиз раздобыл где-то грейпфрут величиной с арбуз, избавил от кожуры и поделил:

– Если съешь это сейчас, останешься тут навсегда.

Дело было на Сементерио-дель-Колонн, и предложение прозвучало двусмысленно.

– С могилы спер?

Он кивнул, и мы стали лопать в жертву принесенный фрукт.

На круглом лице Вагиза появилось горестное выражение:

– До чего ж противный!

– Но жажду утоляет.

Отдавая себя на волю Случая, не верил, что могу попасть в какую-нибудь западню на острове Свободы или даже кони бросить. Смерть в тридцать лет достаточно трудно вообразить и в Союзе, но здесь, в Антиподии, где люди ходят вверх ногами, и все шиворот-навыворот, а чудеса встречаются на каждом шагу, она казалась вовсе неуместной.

Если Куба – не сон, то и за настоящую реальностью ее трудно принять.

– У вас зима бывает? – спросил переводчика Хавьера.

– А как же! – он говорит без акцента на правильном русском. – Комаров-то нет. И до лета не будет.

Кровососущих действительно не было.

Но я подумал – может, ветром выдувает в море? Прикалывается наш Хавьер.

Одет он в рубашку с короткими рукавами и открытым воротом, свободные белые брюки и желто-коричневые сандалии без носков. У него широкое приятное лицо, на щеках – цивильные баки. Глубоко посаженные глаза малоподвижны и голубы, как у новорожденного котенка.

– Так много красивых женщин у вас. А что если мне жениться здесь?

– Наши женщины воспитаны в наших традициях – тебе они не понравятся. Я жил в Москве, учился в Киеве – знаю, какое отношение у вас к вашим дамам.

– И в чем же мы к ним не так относимся?

– Вот я пришел домой с работы, сменил рубашку (сменить рубашку у них, как у нас перекурить – означает завершение одного дела и начало другого) и к друзьям. Сидим в ресторане, пьем – мою благоверную кто-то сюда же привел. Я друзьям показываю и горжусь – моя жена еще нравится мужчинам. Ты бы так смог?

Нет, я бы не смог.

Но давно известно – нет на свете мужиков ревнивей испанцев.

Прикальвается Хавьер!

Кстати, чернокожих женщин без мужчин в ресторан не пускают.

– Поди, проститутки все, – высказал предположение Вагиз.

И эта мысль нанизывала другую – возможно жена нашего переводчика приторговывает на досуге своим телом? Тогда все становилось ясным.

Остаток маршрута меня мучила тревога. Что-то вроде как неладно, и не поймешь, что именно. Неприятный осадок, оставшийся после съеденного на кладбище грейпфрута, исчез. Беспокойство вызвано другой причиной, которую зовут предчувствием.

Пятидесятилетняя дочь спутников Моисея и костлявая, как смерть, Майя Николаевна взяла меня под руку у входа в музей истории Гаваны:

– Анатолий, перестаньте вертеть головой на кубинских дам – это же не прилично. Газеты пишут – в западном полушарии обнаружили новое венерическое заболевание, которое практически неизлечимо. Так что безопаснее контакт с советской женщиной. Говорю вам на полном серьезе, чтобы уберечь от неприятных последствий.

А контакт с этой изношенной колошей будет иметь приятные последствия?

Как она узнала о моей фаталистической покорности Судьбе и безотказности Случая?

Я загрузил.

Майя достала из сумочки бумажную салфетку и обтерла мое потное лицо.

– Вы знаете, я к вам неплохо отношусь.

Несколько секунд молчал, замороженный ее ласковым взглядом.

С большим усилием отвел взгляд и сглотнул.

– Что значит неплохо?

– Что за вопрос? Неплохо – это хорошо. Вы – славный парень, и я хочу помочь вам.

Вы – милый, привлекательный, и будь я помоложе, влюбилась в вас прямо сейчас. С первого взгляда. И вы бы сочиняли мне стихи, а я бы на них писала песни – я музыкант.

– Я никогда не писал стихов, а знаю только неприличные.

Ее улыбка стала шире.

– Может, скоро и начнете, услышав, как играю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.